

и воскликновениемъ сердца достойни суть пѣты быти, яко же обычай имуть веселитися и пѣти во время собиранія винограда, изъемлющій великое изобиліе вина изъ точиль“. Причина различія значеній этого надписанія лежитъ, кажется, въ томъ, что корень слова *gagittimъ*—*gatz* означаетъ *точно* и это имя носилъ городъ Гатъ или Геѣъ филистимскій, вѣроятно, потому, что богатъ былъ виноградными садами. LXX удержали собственное, буквальное значеніе слова и перевели— *о точильцѣхъ*; другіе, обращая вниманіе на названіе города Геѣа—*gatz* вывели заключеніе, что вѣроятно эта надпись означаетъ Геѣскій музыкальный инструментъ, и вышло разногласіе. Еще дѣлаютъ такого рода догадку въ объясненіе этого надписанія: не означается ли этимъ словомъ извѣстный музыкальный характеръ Псалмовъ? не было ли особаго рода пѣсней съ особымъ напѣвомъ, которыя употреблялись во время собиранія винограда и добыванія изъ него вина посредствомъ точиль, и не назывался ли этотъ напѣвъ по имени точиль *gagittimъ*, и не на него ли указываетъ надписаніе? Но трудно думать, чтобы Псаломъ, назначенный для употребленія при Богослуженіи, былъ пѣтъ на голосъ пѣсней, употреблявшихся при собираніи винограда. Болѣе вѣроятія заслуживаетъ то предположеніе, что эти псалмы пѣты были особенно въ праздникъ новыхъ плодовъ, когда приносили въ жертву Іеговѣ начатокъ новыхъ плодовъ или стяжаній, а извѣстно, что виноградъ и добываемое изъ него вино были однимъ изъ важныхъ стяжаній Евреевъ. Свѣтлое, радостно-творное чувство и тонъ этихъ Псалмовъ весьма согласуются съ этимъ временемъ и торжествомъ.

III. О книгѣ Притчей.

I. Книга Псалмовъ, какъ сказали мы въ своемъ мѣстѣ, есть собраніе лирическихъ пѣснопѣній Еврейскаго народа со стороны отраженія общихъ религіозныхъ возрѣній народа; это чувства благочестиваго человѣка Еврея въ отвѣтъ на запросы закона и исторіи; это—ясное отраженіе внутренней, сердечной религіозной жизни Еврейскаго духа, въ которомъ видно, какъ чувствовалъ себя истинный Еврей надъ закономъ и непосредственною теократіею. Книга Притчей Соломоновыхъ есть также отраженіе духовной жизни Еврейскаго народа, также отголосокъ на запросы закона и исторіи, только не исключительно сердца и чувства, но ума и мысли; это плоды мудро-

сти, которые умъ Еврея—теократа вынесъ изъ размышленія о пачалахъ откровенной религіи, о законѣ и теократіи и вліяніи ихъ на образованіе умственной, нравственной и гражданской жизни Израильскаго общества, выраженные въ особаго рода поэтической формѣ рѣчи. Оттого, если тамъ — въ книгѣ Псалмовъ—чистая лирика, то здѣсь чистая дидактика. Лишь въ нѣкоторыхъ псалмахъ, и то весьма рѣдко, возбужденное чувство переходитъ въ рефлексію; до обстоятельнаго развитія и значительной силы достигла эта рефлексія, или по крайней мѣрѣ такъ выразилась она, только въ притчахъ, въ которыхъ отразилась особеннымъ образомъ мудрость, высшее знаніе, духовное направленіе умственной жизни Еврея, живущаго подъ теократію. Эта мудрость, впрочемъ, отнюдь не есть отвлеченное, спекулятивное мышленіе о предметахъ Божественныхъ и человѣческихъ, о Божественномъ откровеніи или отношеніи Бога къ природѣ и человѣчеству, но болѣе самодѣтельное выраженіе усвоеннаго изъ откровенія Богопознанія, т. е. выраженіе того, что и какъ Еврейскій умъ позналъ, представилъ и усвоилъ себѣ изъ откровенія, — выраженіе субъективной дѣятельности Еврейскаго духа — въ лицѣ лучшаго своего представителя — мудреца, относительно Богооткровенныхъ истинъ, какъ онъ созналъ ихъ и сдѣлалъ предметомъ *своей* мысли и своего сужденія, равно какъ побужденіемъ *своей* воли и дѣятельности практической. Истина, которую предлагасть Божественный законъ въ формѣ заповѣди и запрещенія, повятая и воспринятая, является здѣсь внутреннимъ живымъ убѣжденіемъ того, кому она дапа, кто о ней думалъ и размышлялъ, и выражается уже какъ истина не такъ и потому только, что она открыта въ законѣ какъ истина, а такъ и потому, что она вполне согласна съ думой человѣка, стала уже какъ бы собственнымъ его достояніемъ, собственною мыслию его. Человѣкъ подъ теократію не былъ лишь страдательнымъ существомъ, не самодѣтельнымъ въ отношеніи къ открываемымъ истинамъ; онъ долженъ былъ болѣе или менѣе вдумываться въ нихъ, понимать ихъ, усвоить себѣ, т. е. приводить въ согласіе со своими внутренними убѣжденіями и вѣрованіями, прилагать ихъ къ жизни и размышлять о вліяніи ихъ или вообще отношеніи ихъ къ жизни; эти-то истины, воспринятія умомъ и самодѣтельно имъ выработанныя изъ жизни подъ закономъ и сознательно выраженные въ формѣ болѣе или менѣе краткихъ изреченій, и составляютъ книгу Притчей. „То, что въ откровеніи закона

представляется какъ Божественная цѣль, говорить одинъ толкователь, является здѣсь съ мыслью объ отношеніи къ цѣлямъ человѣческимъ, и истина не потому только изрекается какъ истина, что она Богооткровенная, а и потому еще, что она стала убѣжденіемъ своимъ собственнымъ человѣка, выражающаго ее, или потому, если можно такъ выразиться, что истина Божія и цѣль вполне понятны и согласны съ истинною и цѣлюю человѣческою; потому то самодѣтельное осуществленіе Божественной цѣли въ дѣйствіяхъ человѣческихъ и представляется какъ общая нравственная задача и въ своемъ осуществленіи является какъ практическая мудрость человѣка. Это самодѣтельное выраженіе истины, усвоенной изъ Божественнаго откровенія, какъ бы отраженіе этой откровенной истины чрезъ призму ума человѣческаго, есть выраженіе практической мудрости. Убѣжденіе въ согласіи откровенной и понятой истины съ требованіями человѣческаго духа положено въ основаніе всей этой мудрости и въ притчахъ Соломоновыхъ является какъ основоположеніе всѣхъ правилъ религіозной мысли и религіозно-нравственной дѣятельности. Эти правила въ кратко выраженныхъ изреченіяхъ составляютъ начатки Израильской мудрости; въ нихъ теократическій духъ нашель простѣйшую и естественную форму для выраженія результатовъ своего размышленія о содержаніи откровенія въ приложеніи его собственно къ жизни. Впрочемъ, такъ какъ откровеніе Ветхозавѣтное состоитъ не только въ предписаніяхъ относительно жизни и поведенія человѣка, но вмѣстѣ въ ученіи о Богѣ и Его свойствахъ, въ указаніяхъ на планы Божественнаго міроуправленія и осуществленіе ихъ въ исторической жизни народа Божія и другихъ народовъ: то стремленіе къ рефлексіи, пробужденное, не могло ограничиться одними лишь правилами для добродѣтели и благочестія, но при дальнѣйшемъ углубленіи мыслию въ истины откровенія, должно было перевести свою дѣятельность на познаніе Божественнаго міроуправленія и открывающейся въ немъ Божественной мудрости и, такимъ образомъ, должно было восходить къ познанію источника всякой и всей земной мудрости и вѣдѣнія. Только этимъ рефлексія могла достигнуть до возможно-совершенной мудрости въ ученіи, и субъективная мудрость— стать какъ бы отраженіемъ Божественной Премудрости, которую человѣкъ старается усвоить, чтобы чрезъ обладаніе ею достигнуть познанія истинной мудрости жизни и быть мудрымъ въ жизни. Отсюда рефлексія въ книгѣ Прит-

чей, съ одной стороны, обнимаетъ цѣлую область благочестія, проникаетъ ее свѣтомъ мысли и вѣдѣнія и находитъ въ страхѣ Господнемъ и познаніи Святѣйшаго мудрость и разумъ, спасеніе и жизнь, однимъ словомъ, истинную, успокоивающую умъ и сердце, практическую мудрость для всѣхъ возможныхъ отношеній жизни: „благоговѣніе предъ Іеговою есть начало познаній и мудрости; или—начало премудрости есть благоговѣніе предъ Іеговою, и познаніе Святѣйшаго есть истинное вѣдѣніе, отъ того умножатся дни твои и прибавится тебѣ лѣтъ жизни“, вотъ первое основаніе всей практической мудрости въ книгѣ Притчей, не разъ высказываемое. Съ другой стороны, рефлексія возвышается или старается возвыситься до возможнаго вѣдѣнія Божественнаго, первооснованія всего примѣчаемаго въ природѣ и человѣчествѣ порядка и цѣлесообразности, и находитъ въ Божественной мудрости, которая, какъ искусная художница, была съ Богомъ при сотвореніи міра и по окончаніи творенія сошла на человѣка, чтобы быть его радостію и блаженствомъ, какъ при твореніи она была блаженствомъ Божиимъ, въ этой мудрости, говоримъ, рефлексія находитъ не только начало всякаго порядка и красоты въ мірѣ, но также всеобщую водительницу на пути жизни, которая слушающимъ ея голоса и слѣдующимъ ей доставляетъ знаніе, миръ, радость и счастье, тогда какъ глупость и грѣхъ губятъ: „блаженъ тотъ человѣкъ, который слушаетъ Меня, ибо нашедшій Меня, нашелъ жизнь и получилъ благодать отъ Іеговы, а уклоняющійся отъ Меня зло дѣлаетъ душѣ своей; всѣ не любящіе Меня любятъ смерть“, вотъ второе основаніе мудрости, болѣе теоретической, также не разъ высказанное въ Книгѣ Притчей. Изъ этихъ двухъ основаній развивается мудрость въ многоразличныхъ примѣненіяхъ ея къ знанію и жизни, изображеніе плодовъ которой составляетъ содержаніе всей книги.

Если притчи Соломоновы суть плодъ болѣе самодѣятельной Богопросвѣщенной рефлексіи о Божественномъ откровеніи, данномъ народу Еврейскому въ законѣ, оправдываемомъ постоянно особеннымъ водительствомъ этого народа: то само собою понятно, что ихъ никакъ нельзя поставлять на одну линію съ притчами, апофѳегмами и гномами другихъ народовъ. Большая часть народовъ древности обладала болѣе или менѣе обильными собраніями притчей, пословицъ и т. д., которыя всегда приписывались знаменитымъ мудрецамъ древности и составляютъ вѣрное свидѣтельство о мудрости и нравствен-

ности, о духѣ и степени духовнаго развитія народовъ, а равно и объ отличительномъ характерѣ одного народа сравнительно съ другими. Такъ, у Грековъ было собраніе *притчей седми мудрецовъ*, — потомъ поэтовъ Теогниса и Фацилида и, наконецъ, были у нихъ *хростъ ѣтъ Пиеагора*; у Римлянъ были притчи Катона (по свидѣтельству Цицерона) и еще Юлія Кесаря (по свидѣтельству Светонія). Но совершенно особенно процвѣтала эта мудрость въ притчахъ и пословицахъ у нѣкоторыхъ народовъ Восточныхъ, у которыхъ она составляла иногда особую, богатую отрасль литературы, на примѣръ, у Арабовъ, которыхъ богатство въ этомъ отношеніи превзошло все, что имѣли другіе народы. Притчи и пословицы всѣхъ этихъ народовъ, по происхожденію содержанію и характеру своему, весьма различнаго рода. Онѣ суть частію собственно такъ называемыя пословицы, выродившіяся изъ особенностей національной жизни народа или связанныя съ какими либо историческими происшествіями и лицами, въ которыхъ какъ бы воплощается извѣстная истина, или же заимствованныя отъ особенныхъ отличительныхъ отношеній страны и ея обитателей, — отъ природы, звѣрей, растений и т. п., — изреченія, которыя какъ будто составляютъ произведенія всего народа, какъ цѣлаго, одинаго, отличнаго отъ тѣхъ и другихъ. Происхожденія такого рода притчей никакъ не постигнешь. Таковы большею частію Арабскія притчи и пословицы. Или же они суть приточныя изреченія извѣстныхъ мудрецовъ, выродившіяся изъ особенной, сознательной, частной цѣли этихъ людей — внести въ народную жизнь правила мудрости и нравственности въ намѣреніи способствовать умственному и нравственному образованію народному. Таковы почти исключительно притчи Грековъ и Римлянъ. Съ первымъ родомъ притчей Соломоновы притчи не имѣютъ ничего сходнаго. Только при полномъ, намѣренномъ и несправедливомъ отрицаніи ихъ происхожденія и характера, можно почитать ихъ народными притчами и пословицами — попытками, какъ выражается Вйхгорнъ, стоящаго еще на первой ступени развитія народнаго духа — выражаться въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ. Такъ думать о притчахъ Соломона, говоримъ, можно лишь при полномъ отрицаніи ихъ происхожденія и характера, потому, какъ говоритъ одинъ изъ отличныхъ знатоковъ Еврейской жизни, Евальдъ, что здѣсь, въ притчахъ Соломоновыхъ, отнюдь нѣтъ никакихъ притчей, пословицъ и гномовъ, которые бы свидѣтельствовали о томъ, что они про-

изошли изъ народнаго духа, находящагося еще на нисшей ступени развитія, которые бы умный мужъ просто и прямо собралъ изъ устъ народа и преданія, и такъ какъ они не имѣютъ обыкновенно связи между собою, то и поставилъ ихъ какъ попало одну съ другою, придавъ имъ развѣ виѣшній порядокъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ позднѣйшіе собиратели такъ называемой народной мудрости въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ. Ничего не можетъ быть уродливѣе, продолжаетъ Евальдъ, какъ сравнивать собранія Арабскихъ притчей, извѣстныя подъ именемъ Абу абайда и Майдани, а равно и другія, съ собраніемъ притчей Соломоновыхъ. Въ этомъ собраніи Притчей, т. е. Соломоновыхъ, мы имѣемъ предъ глазами съ искусствомъ и умѣньемъ сдѣланные опыты мудреца объять истины религіи въ примѣненіи ихъ къ частымъ многообразнымъ случаямъ и возможностямъ жизни въ возможной полнотѣ и простотѣ и выразить ихъ въ краткихъ остроумныхъ изреченіяхъ, для того, чтобы труднѣйшія общія положенія высшаго знанія разрѣшить въ частныя, краткія, удобопонятныя положенія и прекрасной формою сдѣлать ихъ доступными и легкими для пониманія и осуществленія въ жизни; такъ что, слѣдовательно, въ каждомъ изреченіи содержится хотя малая нѣкая часть всеобщей, вѣчной, изъ откровенія заимствованной истины, и ничто здѣсь не является какъ простое историческое воспоминаніе, выраженное въ острыхъ словахъ, какъ-то часто видимъ въ народныхъ притчахъ; даже нѣтъ здѣсь частныхъ примѣровъ изъ исторіи, нѣтъ изреченій, привязанныхъ къ какой-либо личности, къ какому-либо случаю, но все здѣсь представляется какъ первоначальное, самостоятельное и въ этомъ значеніи оригинальное воззрѣніе мудреца и назначается для наученія всякаго, хотящаго учиться. Если бы Евальдъ не опустилъ еще изъ вниманія, что эта мудрость въ притчахъ, хотя вышедшая изъ самодѣтельнаго упраздненія мудреца въ законъ, выражена тѣмъ не менѣе не простымъ мудрецомъ, но состоявшимъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Духа Божія: то его характеристика притчей Соломоновыхъ, въ отличіе отъ народныхъ притчей другихъ восточныхъ народовъ, была бы полная.

Гораздо ближе притчи Соломоновы стоятъ къ притчамъ восточнымъ—втораго рода, не только по ихъ происхожденію виѣшнему, какъ произведенію одного или, положимъ, нѣсколькихъ мудрецовъ, но и по виѣшной формѣ и характеру, поскольку въ нихъ истины высшаго знанія облекаются въ легко

понятныя, краткія и сильныя сентенціи и гномы, которые, не состоя въ тѣсной связи между собою, располагаются лишь по связи виѣшней. Но при этомъ, кромѣ обстоятельства указаннаго нами въ примѣчаніи къ Евальдовымъ словамъ, притчи Соломоновы отличаются отъ подобнаго рода притчей всѣхъ другихъ восточныхъ народовъ существенно своимъ исключительнымъ религіознымъ направлениемъ и отпечатлѣвшимся на нихъ характеромъ откровенія, изъ котораго они и происходятъ, главнымъ образомъ, характеромъ чистоты и опредѣленности, съ которою поняты всѣ отношенія жизни и возведены къ познанію опредѣленнаго Богомъ назначенія человѣка, такъ что все собраніе притчей, какъ оно ни обширно и ни разнообразно по содержанію своему, проникнуто одною мыслию противоположенія, съ одной стороны, мудрости и благочестія, съ другой—глупости и безбожія; къ этой мысли возводятся, или, лучше сказать, на ней основываются, всѣ притчи, находящіяся въ разсматриваемомъ собраніи. Этого высшаго направленія, этой ясности и опредѣленности всѣхъ отношеній жизни, этого просвѣтленія ихъ одною мыслию нѣтъ въ притчахъ и пословицахъ ни одного изъ древнихъ народовъ; и такъ какъ мы знаемъ объ источникѣ такого характера, то смѣло можемъ сказать, что и не могло быть. Всѣ притчи и пословицы другихъ древнихъ народовъ въ самыхъ лучшихъ собраніяхъ суть не болѣе, какъ извѣстный родъ народной морали, болѣе или менѣе нечистой, не просвѣтленной, не человѣческой.

II. Третіе въ ряду учительныхъ или поѣтическихъ книгъ Ветхозавѣтныхъ мѣсто занимаетъ книга Притчей Соломоновыхъ — *Мише Шаломо*. Слово *машал* первоначально значитъ уподобленіе, и въ образѣ рѣчи этимъ словомъ первоначально означается собственно такъ называемыя притчи, когда извѣстная истина изъ области чистой мысли предлагается подъ покровомъ какого либо образа изъ видимой природы или случаевъ обыденной жизни (Иезек. 17, 2. 23, 3, 3). Такъ какъ образный языкъ вообще есть языкъ сравненій и подобій: то словомъ *машал* Евреи означали иногда вообще метафорическую, полную образовъ рѣчь. Такъ, на примѣръ, величественныя, полныя образовъ рѣчи Валаама называются притчами; притчами называются нѣкоторыя изъ рѣчей Іова (27, 1. 29, 1), нѣкоторыя мѣста изъ Псалмовъ (48, 5. 77, 2) и нѣкоторыя пѣсни пророковъ (Ис. 14, 4. Мих. 2, 4. Авв. 2, 6). Такъ какъ форма уподобленія можетъ быть и пространная, и крат-

кая, — можно сказать притчу лишь въ нѣсколькихъ словахъ и небольшой фразѣ: то словомъ *машаль* названы и нѣкоторыя краткія метафорическія выраженія мыслей или изреченія, поскольку онѣ состоятъ въ сравненіи между собою двухъ предметовъ или въ извѣстномъ сопоставленіи двухъ мыслей и содержатъ извлеченную изъ этого сравненія общую истину. Сюда же принадлежатъ пословицы и загадки (1 Цар. 10, 12. Іезек. 18, 2). Книга Притчей состоитъ частію, и большею частію, изъ такихъ краткихъ приточныхъ изреченій и пословицъ, но частію и изъ пространныхъ, собственно — такъ называемыхъ, притчей, а частію просто изъ образныхъ параболическихъ рѣчей.

Книга притчей раздѣляется особенными надписаніями на три главные отдѣльныя части, къ которымъ присовокуплено еще два прибавленія.

Первая часть, состоящая изъ первыхъ девяти главъ, кромѣ вступленія (1, 1—7), содержитъ въ себѣ также три отдѣленія, по три главы въ каждомъ. Содержаніе всей этой части составляетъ, въ формѣ наставленій отца сыну или учителя своему ученику, метафорическое изображеніе мудрости, какъ высшаго блага, о снисканіи котораго нужно заботиться человѣку на землѣ, и увѣщаніе къ пріобрѣтенію ея вмѣстѣ съ изложеніемъ побужденій къ этому. Въ *первомъ отдѣленіи*, послѣ краткаго убѣжденія слѣдовать увѣщаніямъ отца, приточникъ сперва *отрицательно* предостерегаетъ своего сына отъ обольстительныхъ сѣтей грѣха (10—19) и сѣтей тѣхъ, которые живутъ по своимъ грѣховнымъ влеченіямъ; потомъ *положительно*, какъ побужденіе къ пріобрѣтенію мудрости, представляетъ саму Мудрость ирривающею къ себѣ всѣхъ, выставляющею выгоды тѣхъ, которые бы послѣдовали зову ея и несчастіе тѣхъ, которые не согласились бы внимать ей и стараться о пріобрѣтеніи ея (20—33). Затѣмъ, во 2-й главѣ выставляются важныя и прекрасныя слѣдствія добровольнаго и постояннаго стремленія къ мудрости, именно, — что она приводитъ къ благодѣтельному для человѣка страху Божію, равно какъ къ Богопознанію и къ правдѣ въ жизни (1—11), и потомъ — что она предостерегаетъ отъ развратныхъ людей и отъ лстивыхъ прелюбодѣйцъ (12—22). Въ третьей главѣ содержатся частныя предписанія для снисканія мудрости и вмѣстѣ плоды этой мудрости, въ отношеніи къ Богу — полное сердечное довѣріе къ путямъ Его съ самоотверженіемъ и смиреніемъ, съ отрѣшеніемъ сердца отъ земныхъ благъ и терпѣли-

вымъ перенесеніемъ наказаній Иеговы (5—12), при чемъ изображается въ привлекательныхъ образахъ эта мудрость (13—24); въ отношеніи къ людямъ плоды мудрости—неустрашимость предъ казнями людскими и благожелательное, независтливое, успокоивающее и благодѣющее поведеніе въ сношеніяхъ съ ближними (25—31); эти правила опираются на указаніе отношеній Божіихъ къ добрымъ и развращеннымъ (32—35). Во *второмъ отдѣленіи* (4—6) сначала полнѣе раскрываются высказанныя въ 8-мъ и 9-мъ ст. 1-й главы кратко побужденія къ снисканію мудрости, при чемъ приписываются различныя похвалы ей (4), потомъ, въ главѣ 5-й, послѣ обстоятельнаго изложенія всей мерзости грѣха прелюбодѣянія, содержится увѣщаніе уклоняться отъ жены прелюбодѣйцы, а жить въ мирѣ и любви съ своею женою; затѣмъ въ 6 й главѣ содержится рядъ внушеній—о добросовѣстномъ исполненіи принятыхъ гражданскихъ обязанностей, объ удержаніи или угашеніи злобы и избѣжаніи другихъ пороковъ; заключеніемъ, въ которомъ содержится увѣщаніе—слушать внимательно наставленія отца и стараться исполнять ихъ, учитель возвращается снова къ тому пункту, изъ котораго онъ вышелъ, и—этимъ оканчивается второе отдѣленіе первой части. Въ *третьемъ отдѣленіи* (7—9) представляются глупость и мудрость, какъ мыслящіе живые образы или лица, каждая съ своимъ внутреннимъ характеромъ и дѣйствіями. Глупость представляется въ видѣ заманчивой блудницы, завлекающей въ свои сѣти неопытнаго юношу, который пошелъ за нею, какъ быкъ на убой, и какъ на привязь, на которой она будетъ держать его—глупаго, доколѣ стрѣла не изрѣжетъ плоти его; онъ кидается, какъ птичка въ силки, и—погибаетъ (гл. 7). Въ противоположность олицетворенной глупости, представляется олицетворенная мудрость съ сильнымъ и настойчивымъ требованіемъ, чтобы ей слѣдовали, потому что она есть высшее благо, источникъ всѣхъ земныхъ благъ и радостей, какъ руководительница царей и князей въ дѣлѣ ихъ управленія царствомъ, какъ вѣчная, содѣйствовавшая Богу въ устроеніи міра, слѣдовательно, такая, у которой можно и должно поучаться всѣмъ смертнымъ (гл. 8). Въ главѣ 9-й еще рѣзче выставляется эта противоположность мудрости и глупости: мудрость безкорыстная и добросердечная помощница всѣмъ духовно, умственно и нравственно бѣднымъ, приготовляетъ духовный пиръ всѣмъ скудоумнымъ, зоветъ и угощаетъ всѣхъ; изъ пира ея люди выносятъ страхъ предъ Иеговою—начало человѣческой мудро-

сти, и обѣтованіе благоденственной жизни. А, въ подражаніе ей, глупость зоветъ къ себѣ на пирь; но приготовленное ею угощеніе—все краденое; и хотя она соблазняетъ вкусить этого краденаго, какъ особенпо-вкуснаго и пріятнаго, но всѣ, прельстившіеся ею, отправляются во глубину преисподней (гл. 9).

Вторая часть книги Притчей (10—24) въ Еврейскомъ подлинникѣ имѣетъ особое надписаніе „притчи Соломоновы“, опущенное у LXX, а потому — и въ нашемъ славянскомъ переводѣ. Эта часть содержитъ въ себѣ а) отъ 10-й гл. по 16 ст. 22-й главы въ 374 стихахъ частныя краткія изреченія, имѣющія предметомъ своимъ мудрость и страхъ Божій съ одной стороны, глупость и грѣхъ съ другой, въ ихъ многоразличныхъ проявленіяхъ, равно какъ въ ихъ различныхъ и противоположныхъ дѣйствіяхъ и слѣдствіяхъ. Эти изреченія, въ ихъ порядкѣ, по большей части не имѣютъ между собою тѣснаго отношенія и расположены въ книгѣ или по легкой ассоціаціи идей, или по извѣстнымъ характеристическимъ словамъ, рѣдко по сходству мыслей и внутренней послѣдовательности, часто безъ всякой видимой внутренней или внѣшней связи, такъ что въ частяхъ или отдѣленіяхъ нѣкоторыхъ хотя можно еще открыть какую-либо внѣшнюю или внутреннюю связь, но въ расположеніи цѣлаго собранія, кажется, нельзя открыть никакого опредѣленнаго плана, никакого органическаго раздѣленія, никакой связующей нити. При подробномъ разсмотрѣніи цѣлаго, можно примѣтить только то, что въ этой части собраны лишь такія изреченія, содержаніе которыхъ вполне выражено и округлено въ одномъ двухчленномъ стихѣ, такъ что каждый стихъ образуетъ одно цѣлое законченное и отдѣльное изреченіе, и даже тамъ, гдѣ два или три стиха выражаютъ одну и ту же мысль съ различныхъ сторонъ и въ различныхъ отношеніяхъ, каждый стихъ заключаетъ въ себѣ саму по себѣ понятную частную мысль. При такомъ построеніи рѣчи, изреченія большею частію весьма кратки, состоятъ изъ 7 или 8, рѣдко изъ 9 и 10-ти словъ, и оба двухчленные стихи содержатъ обыкновенно положеніе и противоположеніе; рѣдко они—синонимы, такъ, чтобы второй членъ повторялъ мысль перваго (12, 28. 14, 19. 26); еще рѣже они—синтезы, такъ, чтобы на второмъ членѣ основывался первый (16, 12. 26. 19, 20). б) За этимъ первымъ отдѣленіемъ слѣдуетъ второе (22, 17—24, 22), въ которомъ, послѣ увѣщанія — слѣдовать словамъ мудрыхъ (17—21), содержится рядъ изреченій,

по содержанию своему совершенно сходныхъ съ изреченіями предшествующаго отдѣленія, но въ формѣ отличающихся отъ нихъ тѣмъ, что здѣсь большею частію два, не рѣдко даже три стиха составляютъ одно изреченіе, и въ одномъ мѣстѣ (23, 29—35) семь стиховъ занимаетъ предостереженіе отъ пьянства, и стихи состоятъ большею частію изъ трехъ членовъ, даже изъ четырехъ. Большая часть изреченій, содержащихся въ этомъ отдѣленіи, выражена въ формѣ повелѣнія и запрещенія въ повелительномъ наклоненіи, а не совѣтовъ только.

Третью часть книги Притчей (25—29) составляютъ притчи Соломоновы, которыя собрали и вписали въ книгу друзья Езекии царя Іудейскаго. Эти притчи совершенно похожи на притчи, составляющія предшествующую часть книги; они отличаются лишь тѣмъ, что замысловатость состоитъ здѣсь большею частію въ сравненіяхъ, тогда какъ тамъ — въ противоположеніяхъ, и еще тѣмъ, что здѣсь есть довольно пространныя наставленія, изложенныя въ видѣ краткихъ рѣчей, хотя таковыхъ и немного. Въ этомъ второмъ собраніи Притчей Соломоновыхъ, состоящемъ только изъ 125 изреченій, есть тѣ же притчи, какія и въ первомъ собраніи (25, 26 ср. 21, 9. 26, 13. ср. 22, 13 и проч.).

Заключеніе книги состоитъ изъ двухъ прибавленій къ притчамъ Соломоновымъ. *Первое прибавленіе* составляютъ притчи якогo Агүра, которыя въ очень искусственной и замысловатой формѣ научаютъ истинной мудрости и достиженію ея въ жизни. Мудрецъ Агүрь обращаетъ рѣчь свою къ какому-то двумъ ученикамъ своимъ Иѳилу и Ахалу. Противъ ложной мудрости Агүрь выступаетъ съ признаніемъ, что хотя онъ мудростію и познаніемъ Святѣйшаго и не обладаетъ, такъ какъ и тайны природы и ея бытія непостижимы для человѣка (2—4), но что онъ, однако, вѣритъ чистому, не повреждаемому никакимъ человѣческимъ прибавленіемъ, слову Іеговы, и испросилъ у Него во-первыхъ сохраненія себя отъ суетности и лжесловія, во-вторыхъ — довольства насущнымъ хлѣбомъ (5—9). За симъ содержатся предостереженія отъ ябедничества (10) и перечисляются четыре класса порочныхъ мужей (— 11—14), отъ которыхъ мудрецъ очевидно хочетъ предостеречь, хотя предостереженія не высказываетъ прямо, а только во второй половинѣ главы представляетъ въ загадочныхъ изреченіяхъ природу какъ этихъ пороковъ, такъ и истинной мудрости. Первое изъ этихъ изреченій изображаетъ не-

насытимость пожеланий (15 и 16), второе возвѣщаетъ наказаніе не покорнымъ дѣтямъ (17), третье изображаетъ скрытность и коварство недобрыхъ людей, притворяющихся добрыми (18—20), четвертое показываетъ тиранство людей надутыхъ, но въ существѣ пустыхъ (21—23); пятое и шестое (24—31) научаютъ истинной мудрости въ жизни и добродѣтели. Изреченія свои Агуръ заключаетъ увѣщаніемъ удерживать гнѣвъ и не заводить ссоръ (32—33). Второе прибавленіе (31) составляютъ а) притчи, сказанныя въ наученіе царямъ матерію Лемуила царя (1—9), и б) изображеніе доброй жены, написанное стихами съ акростихомъ Еврейской азбуки (10—31). Этимъ и оканчивается Книга Притчей Соломоновыхъ.

III. Всѣ притчи книги Притчей, за исключеніемъ 30-й и 31-й главъ, тремя надписаніями, которыми начинается каждая изъ трехъ частей книги, приписываются мудрецу Еврейскому, царю Соломону, сыну Давидову. По свидѣтельству 3-й книги Царствъ (4, 32), Соломонъ изрекъ 3000 Притчей. Изъ этого свидѣтельства съ непререкаемой достовѣрностію можно вывести, по крайней мѣрѣ, то заключеніе, что Соломонъ славенъ былъ какъ составитель многихъ притчей; иначе послѣдующее время не могло бы ему приписать такого множества притчей. Слава о мудрости Соломоновой, дѣйствительно распространилась, по свидѣтельству той же книги (4, 34 и 10, 1 сл.), очень далеко и мудрость этого царя Еврейскаго была предметомъ удивленія не только для окрестныхъ народовъ, но и отдаленныхъ, такъ что, въ послѣдствіи времени, послужила предметомъ для легендъ и сказочныхъ произведеній поэзіи. Это возможно объяснить лишь тѣмъ, что Соломонъ своею мудростію далеко превосходилъ своихъ современниковъ, и въ области приточной мудрости былъ такъ же силенъ и великъ, какъ отецъ его Давидъ— въ области лирическихъ пѣснопѣній или псалмовъ. Эти факты служатъ важнымъ доказательствомъ вѣрности надписаній книги Притчей, по которымъ всѣ эти притчи принадлежатъ Соломону; да и сами эти надписанія содержатъ въ себѣ весьма значительные признаки своей истинности или исторической достовѣрности. Въ самомъ дѣлѣ, если общее надписаніе книги Притчей (1, 1—7) и принять за надписаніе, сдѣланное послѣднимъ редакторомъ книги, который присовокупилъ къ концу этого собранія притчи Агура и Лемуила, то надписаніе, находящееся въ началѣ 25-й главы книги, показываетъ, что во времена царя Езекии было уже собраніе притчей Соломоновыхъ, а это было такое время, когда

возможно было собрать достовѣрнѣйшія свидѣтельства о составителѣ этихъ притчей, и когда подлогъ былъ едва ли возможенъ, особенно при томъ стараніи, какое употребляли друзья Езекии при собраніи притчей, извѣстныхъ подъ именемъ Соломоновыхъ. Въ слѣдствіе всего этого, происхожденіе большей части притчей, собранныхъ въ разсматриваемой книгѣ, отъ Соломона издавна не подвергалось сомнѣнію.

Но *всѣ ли* притчи, надписанныя его именемъ, его дѣйствительно, въ этомъ не всѣ толкователи и критики согласны между собою, и особенно въ послѣднее время, этотъ вопросъ возбудилъ живые споры, гдѣ критика, облеченная въ ученое всеоружіе, высказала довольно много интереснаго и *pro* и *contra*. Интересъ собственно заключается здѣсь въ усиленныхъ пріемахъ отрицательной критики, и мы намѣрены кратко разсмотрѣть этотъ споръ, изъ котораго можно видѣть эти пріемы.

Происхожденіе всѣхъ притчей, составляющихъ разсматриваемую книгу, отъ Соломона позволяютъ себѣ отвергать на основаніи различія въ языкѣ, формѣ и содержаніи притчей, составляющихъ три отдѣленія этой книги. Одинъ изъ знатоковъ Еврейскаго языка и жизни, разсматривая эту книгу, дошелъ до предположенія, что вторая часть книги, гл. 10—25, составляетъ древнѣйшее собраніе притчей, которое произошло, вѣроятно, спустя немного времени послѣ Соломона; третья часть книги явилась гораздо послѣ Соломона, именно въ 8-мъ вѣкѣ до Рождества Христова, наконецъ, въ первой половинѣ 7-го вѣка къ этимъ частямъ присовокуплено введеніе, гл. 1—9 и, такимъ образомъ, составилось полное собраніе притчей подъ именемъ Соломоновыхъ, къ которому потомъ присоединены притчи Агура и Лемуила. Это, говоримъ, основываютъ на различіи языка, формы и содержанія притчей, составляющихъ эти три части книги.—

а) Что касается до различія въ языкѣ, то мы не будемъ останавливаться на немъ по той причинѣ, что здѣсь трудно сказать вообще что-либо рѣшительное, такъ какъ здѣсь широкое мѣсто личному произволу, и доказательство это имѣетъ силу лишь при сильныхъ другихъ. Этотъ аргументъ обыкновенно обращаютъ и въ ту и другую сторону, и рѣдко изъ этого выходитъ что-либо твердое. Замѣтимъ только, что другой знатокъ Еврейскаго языка, въ подробности разсмотрѣвъ характеръ языка въ книгѣ Притчей, выводитъ такое заключеніе: „во всѣхъ частяхъ этой книги—одно и то же слово-

употребленіе, которое во многихъ случаяхъ одинаково со сло-
воупотребленіемъ Давидовыхъ псалмовъ, изъ чего можно за-
ключить, что притчи эти принадлежать именно Соломонов-
скому времени. Начавшагося послѣ Ассирійскаго періода
ушадка классическаго Еврейскаго языка, а равно вліянія Хал-
дейскаго языка на чисто Еврейскій, каковое началось въ 7-мъ
вѣкѣ до Рождества Христова, въ притчахъ нельзя открыть
никакого слѣда“.

б) Поэтическая форма притчей, говорятъ, также свидѣтель-
ствуетъ, что это притчи различныхъ временъ, собранныя въ
одинъ составъ тоже въ различныя времена. Вторая часть
книги Притчей, по этому изслѣдованію, носитъ на себѣ буд-
то три несомнѣнныхъ признака ранняго собранія сравнитель-
но съ другими частями; эти признаки суть: а) строгая сим-
метрия двухъ членовъ, б) полнота и законченность мысли,
заключенная въ двухъ членахъ, и наконецъ в) параллелизмъ
двухъ членовъ, выражающійся по преимуществу въ положе-
ніи и противоположеніи. Въ двухъ остальныхъ частяхъ, го-
ворятъ, все это не такъ: въ притчахъ, содержащихся въ нихъ,
нѣтъ этой законченности и полноты мысли въ обоихъ изъ
двухъ стиховъ—соразмѣрно, а одинъ стихъ ослабляется дру-
гимъ, и пропадаетъ это изящество и цѣлость выраженія мысли;
круглая и строгая симметрия двухъ членовъ здѣсь не всегда
выдержана; краткія изреченія въ нихъ переродились уже въ
щеголеватыя изображенія извѣстныхъ нравственныхъ состоя-
ній и явленій жизни и на мѣсто притчей и пословиць, сжа-
тыхъ и въ кратцѣ острыхъ, являются связныя изображенія,
последовательныя изъясненія мудрости въ длинныхъ рѣчахъ,
поучающихъ и предостерегающихъ. Этого различія въ харак-
терѣ и построеніи притчей въ трехъ частяхъ книги дѣйстви-
тельно нельзя не замѣтить съ перваго взгляда, при сравненіи
одной части книги съ другою, хотя съ другой стороны нельзя
также не замѣтить, что положеніе—будто въ третьей части
книги не вездѣ выдержана законченность и полнота мысли
въ двухъ стихахъ—составляетъ явное преувеличеніе, близкое
къ неправдѣ, если хотятъ изъ него вывести слѣдствіе о суще-
ственномъ различіи ихъ формы съ притчами второй части.
Но пусть и такъ; пусть всѣ эти различія существуютъ во всей
силѣ и ясности. Что же изъ этого будетъ слѣдовать? Какое
вѣроятнѣйшее можно вывести заключеніе? Если оно—это раз-
личіе—дѣйствительно есть: можно ли принимать его за дока-
зательство или признакъ, что это притчи различныхъ временъ,

собранныя въ одно цѣлое также въ разныя времена и составившіяся изъ частныхъ болѣе мелкихъ собраній притчей разнородныхъ, разновременныхъ? Съ полнымъ правомъ можно сказать—нѣтъ! Это заключеніе, выведенное изъ различія формы притчей, есть очевидно *petitio principii*.. Именно, прежде всего—совершенно произвольно предположеніе, будто отличительныя свойства формы притчей, содержащихся во второй части книги, составляютъ признаки древнѣйшаго времени ихъ сложенія и собранія въ одинъ составъ, будто древнѣйшіе слагатели притчей слагали лишь двухчленные притчи съ совершеннѣйшей симметрией обоихъ членовъ, которыя составляли исключительно антитезы, т. е. въ первомъ членѣ положеніе, во второмъ противоположеніе. Напротивъ, опытъ всѣхъ временъ и народовъ свидѣтельствуетъ, что чѣмъ богаче извѣстный поэтъ надѣленъ дарами поэтическими, чѣмъ сильнѣе духовными силами извѣстный народный мудрецъ, тѣмъ многообразнѣе произведенія его духа, такъ что онъ никогда не ограничивается одною извѣстною формою своихъ поэтическихъ произведеній; у него свобода творчества проявляется всегда въ разнообразныхъ формахъ, соотвѣтствующихъ великому разнообразію содержанія и цѣли его произведеній. Это каждый можетъ видѣть на опытѣ теперь, а что теперь—то же было и въ древности, разумѣется, лишь не въ такой полнотѣ и не въ такомъ богатствѣ развитія духа. Однообразное содержаніе и однообразная форма.—вѣрный знакъ бѣдности духа или скудоумія, духовной ограниченности и односторонности. Многообразіе формы есть необходимое слѣдствіе разнообразія содержанія и цѣли поэтическихъ произведеній, а это послѣднее есть необходимое выраженіе богато надѣленнаго дарами духовными челоуѣка, стоящаго во главѣ духовнаго образованія извѣстнаго общества или народа. Истинная мудрость въ притчахъ можетъ выражаться такъ же хорошо, полно и ясно въ сравненіи или синтетическомъ сопоставленіи мыслей или членовъ стиха, какъ и въ антитезѣ,—въ положеніи и противоположеніи; избраніе той или другой изъ этихъ формъ вполне условливается мыслію или смысломъ притчей и богатствомъ духовныхъ даровъ поэта, духъ времени въ этомъ частномъ случаѣ можетъ стоять лишь на второмъ планѣ. И странное дѣло, какъ будто позднѣйшій приточникъ, знакомый съ характеромъ исторической народности и обладающій въ изобиліи дарами природы, стоявшій выше всѣхъ своихъ современниковъ въ этомъ от-

ношеній, какъ Соломонъ, долженъ былъ ограничиться какою либо одною формою притчи и никакъ не смѣлъ построить извѣстной притчи на древнѣйшій ладъ, — если и предположить, что въ древности Евреямъ была извѣстна одна форма притчей. Это не возможно, не естественно, противорѣчитъ развитію духа человѣческаго въ извѣстной области и — обличаетъ въ думающихъ такъ странное пониманіе отношеній поэта къ своей исторіи, какую то скрупулезность и ограниченность взгляда на положеніе великаго поэта или мудреца въ обществѣ, или лучше — удобообъяснимое упорство въ пользу какой либо задней мысли. — Равно и число членовъ стиховъ и симметрия или поэтическая округленность параллельныхъ членовъ опредѣляются не столько временемъ, сколько мыслью и смысломъ изреченія, и искусствомъ великаго мудреца, который, совмѣщая въ себѣ прошедшее, въ то же время не ограничивается этимъ прошедшимъ, разрываетъ его ограниченность и, давая направленіе будущему, опережая свой вѣкъ, живетъ уже этимъ будущимъ; оттого — его оригинальность, оттого его современность для послѣдующихъ поколѣній, оттого онъ становится народнымъ представителемъ. Это очевидно. Не менѣе неосновательно также и то предположеніе, будто примѣчаемое въ третьей части книги пестрое разнообразіе притчей свидѣтельствуешь о позднѣйшемъ времени происхожденія ихъ. Оно доказываетъ только, что мужи или друзья Езекии не ограничивались собраніемъ только такихъ приточныхъ изреченій Соломоновыхъ, которыя состоятъ изъ однихъ двучленныхъ стиховъ, подобно собраннымъ во второй части книги, а собрали и совокупили въ одно все, какія только могли найти, и — вотъ простая причина разнообразія притчей въ этой третьей и послѣдней части. Стараться отыскивать другую причину значило бы только закрывать глаза отъ естественнаго хода дѣла потому только, что онъ простъ и естественъ. Наконецъ, одинъ и тотъ же поэтъ можетъ и долженъ по особенной цѣли, которую онъ имѣетъ въ виду, предлагать ученіе и мудрость то въ краткихъ, отрывочныхъ притчахъ, то въ болѣе подробномъ, связномъ и послѣдовательномъ развитіи извѣстныхъ истинъ или изображеніи извѣстныхъ положеній, такъ что изъ различія формы притчей первой части сравнительно съ другими никакъ нельзя вывести заключенія о происхожденіи ихъ въ различныя времена. Соблазняетъ здѣсь главнымъ образомъ, какъ видно, то обстоятельство, что притчи расположены въ книгѣ именно такъ, что извѣстный родъ притчей помѣщенъ

въ одной части съ особымъ надписаніемъ, другой родъ — въ другой и опять съ особымъ надписаніемъ и въ третьей — опять особый родъ и опять съ особымъ надписаніемъ: въ первой, напримѣръ, помѣщены почти исключительно длинныя рѣчи и изображенія, во второй исключительно краткія, а въ третьей — и тѣ и другія. Это, вѣроятно, главнымъ образомъ, и подало поводъ считать ихъ за притчи различныхъ временъ, собранныя также въ разныя времена и потомъ изъ частныхъ собраній составившія одно цѣлое. Но не болѣе ли будетъ справедливо, по крайней мѣрѣ не въ такой ли же степени справедливо, думать, что одинъ писатель этихъ притчей или ихъ ближайшій собиратель раздѣлилъ эти притчи по ихъ родамъ и составилъ изъ нихъ одно цѣлое, привелъ въ извѣстный порядокъ и сдѣлалъ надписанія. Сначала помѣстилъ длинныя приточныя рѣчи о мудрости, потомъ краткія, и — чтобы это различіе не подало кому — либо повода думать, что эти послѣднія не принадлежатъ писателю первыхъ, сдѣлалъ надъ ними такое надписаніе: и это притчи Соломона, сына Давида. Но еще не всѣ притчи собраны были здѣсь и — вотъ мужи Езекии собрали остальные, и длинныя и краткія, и присоединили ихъ къ прежнему собранію съ особымъ надписаніемъ; оттого здѣсь смѣшанныя притчи. Такимъ образомъ, все различіе формы притчей, въ разныхъ частяхъ книги Притчей, находитъ полное свое объясненіе не въ различіи времени происхожденія и собранія ихъ, но въ различіи плана и цѣли собирателей притчей, которыя всѣ происходятъ, по надписаніямъ, отъ одного и того же Еврейскаго мудреца — царя, такъ щедро надѣленнаго мудростію и поэтическимъ творчествомъ въ области притчей.

Предположеніе, что разныя части книги содержатъ въ себѣ притчи различныхъ временъ, могло бы еще находить опору, хотя слабую, въ такомъ случаѣ, если бы до очевидности доказано было, что въ третью часть книги Притчей вошли такія притчи, которыя бы выродились изъ переработки и разныхъ перемѣнъ въ древнихъ притчахъ. Правда, что довольно много есть сходныхъ притчей въ третьей части съ притчами другихъ частей; но, по добросовѣстномъ сравненіи ихъ, Берто заключаетъ такъ: „ни форма и строеніе притчей, содержащихся въ третьей части книги, ни характеръ притчей второй части, а равно и первой, сходныхъ между собою, не носятъ на себѣ печати большей или меньшей древности, или, такъ сказать, первоначальности, такъ что по нимъ никоимъ

образомъ нельзя узнать, какія бы это могли быть древнѣйшія, какія позднѣйшія, и, слѣдовательно, изъ различія притчей въ третьей и во второй частяхъ ничего нельзя вывести о болѣе раннемъ происхожденіи того или другаго собранія; переработки древняго на новый ладъ никакъ нельзя здѣсь примѣтять“. Вообще, изъ кажущейся большей оригинальности той или другой формы собранныхъ въ книгѣ притчей, многоразличныхъ и разнохарактерныхъ, нельзя вывести никакого твердаго заключенія объ относительной древности притчей, сходныхъ между собою, потому что одинъ и тотъ же приточникъ, мудрецъ—поэтъ могъ высказывать, при извѣстныхъ случаяхъ, однѣ и тѣже мысли, только по случайнымъ побужденіямъ или временнымъ требованіямъ—въ различномъ сопоставленіи, съ особенными оттѣнками, съ особымъ духомъ, изъ которыхъ въ одномъ случаѣ кратко и сильно и потому оригинально сказанное, въ другомъ—получаетъ другой оттѣнокъ; но какъ изъ этого заключить объ относительной древности того или другаго изреченія—это было бы произвольно. Судя по этому—то можно думать, что сходныя между собою притчи, помѣщенные въ разныхъ частяхъ книги, произошли отъ того же Соломона, который высказалъ нѣсколько похожихъ притчей, впрочемъ, съ разными оттѣнками или варіаціями, и эти—то варіаціи попали въ собраніе притчей, сдѣланное мужами Езекии царя. О позднѣйшемъ времени происхожденія своего эти варіаціи могли свидѣтельствовать лишь въ такомъ случаѣ, если бы перемѣны были сдѣланы по обстоятельствамъ и по духу позднѣйшихъ временъ, если бы въ нихъ выражалось позднѣйшее воззрѣніе на какіе-либо предметы или вообще—позднѣйшее міросозерцаніе; но слѣдовъ этого позднѣйшаго, хотя бы не очень ясныхъ, нѣтъ, или ихъ можно находить лишь съ натяжкой, при непреклонномъ желаніи найти во что бы то ни стало, причемъ обыкновенно случается видѣть, чего на самомъ дѣлѣ и нѣтъ вовсе. Приведемъ изъ множества одинъ примѣръ: во второй части книги есть такое изреченіе: „наказывай сына своего, потому что есть еще надежда, т. е. на его исправленіе; а чтобы онъ умеръ, этого не должна желать душа твоя“ (19, 18); а въ третьей части такое изреченіе: „не оставляй юноши безъ наказанія; когда накажешь его розгой, онъ не умретъ; ты накажешь его розгой и душу его спасешь отъ преисподней“ (23, 13—14). Это послѣднее изреченіе, говорятъ, есть переработка перваго по обстоятельствамъ и воззрѣніямъ позднѣйшаго времени. А

какія тутъ обстоятельства и возрѣнія позднѣйшаго времени? Не очевидно ли, что въ первомъ изъ этихъ изреченій видно болѣе строгости отца, а въ послѣднемъ—мягкости и снисходительности, что въ каждомъ вѣкѣ есть и строгіе и снисходительные отцы и—одинъ и тотъ же отецъ въ одномъ случаѣ можетъ дать первое изъ этихъ наставленій, а въ другомъ послѣднее? Точно такъ же и другія мнимыя переработки древнихъ изреченій будто бы по обстоятельствамъ и возрѣніямъ позднѣйшихъ временъ. И такъ, повторимъ, различіе формы въ разныхъ частяхъ книги Притчей свидѣтельствуешь не о происхожденіи и собраніи ихъ въ разные времена, а, съ одной стороны, о богатствѣ духовномъ Еврейскаго царя—мудреца, которому приписываются всѣ притчи, съ другой же—о различныхъ цѣляхъ и планахъ послѣднихъ собирателей притчей, которые совокупили ихъ въ одинъ составъ и раздѣлили ихъ по формѣ на нѣсколько отдѣленій, изъ коихъ каждое имѣетъ особое надписаніе, указывающія на одно лицо.

в) О содержаніи притчей въ различныхъ частяхъ книги Притчей заподозрѣвающіе подлинность происхожденія ихъ всѣхъ отъ Соломона, замѣчаютъ: „изъ состоянія общества въ цѣломъ еще простаго, добросердечнаго и чистосердечнаго, какъ изображено оно во второй части книги Притчей, внимательный читатель въ третьей части книги Притчей является въ обществѣ сложномъ и запутанномъ, опасномъ и враждебномъ, гдѣ домашняя, обиходная жизнь развита хотя лучше и шире, но государственная жизнь, общественная безопасность и благосостояніе вообще глубоко упали и вообще эта древняя простота жизни почти совершенно исчезла; точно тоже замѣтно и въ первой части книги Притчей“. Это—возведеніе частныхъ къ общимъ идеямъ! Противъ этого еще Берто довольно ясно показалъ, что въ обѣихъ частяхъ, т. е. и во 2-й и въ 3-й, замѣтны отношенія притчей къ однимъ и тѣмъ же историческимъ состояніямъ и положеніямъ, и что въ историческомъ основоположеніи притчей 3-й части книги нѣтъ ничего, что побуждало бы относить происхожденіе и собраніе ихъ къ позднѣйшему, чѣмъ которая-либо изъ первыхъ двухъ частей, времени. Много мѣстъ изъ этой третьей части указываютъ на внутреннее состояніе или общественную жизнь народа, разумѣется, въ формѣ краткихъ изреченій, порожденныхъ наблюденіемъ и знаніемъ механизма государственной жизни, напримѣръ, о томъ, что нужно царю, и объ его обязанностяхъ (25, 2. 28, 16. 29, 4. 12, 14), объ оласностяхъ, которымъ

подвергаются обращающіеся съ царемъ и говорятъ ему пріятное, равно и о слѣдствіяхъ этого (25, 3—7. 29, 26, ср. 25, 15), о несчастіи многоцарствія (28, 2), о несчастіяхъ плохого народоправленія (28, 15. 28, 29. 2, 16), объ угнетеніяхъ великими и сильными (28, 3), кратко сказать, очень много въ этомъ третьемъ собраніи притчей, касающихся такихъ предметовъ, которыхъ рѣдко касаются притчи втораго собранія. Но нельзя сказать, чтобы въ этомъ послѣднемъ не было вовсе ничего похожего на эти первыя притчи; въ этой второй части есть, напримѣръ, изреченія о рабахъ, когда достигаютъ они какой либо правительственной власти (19, 10), о подкупахъ сильныхъ людей (17, 23 и пр.), о царяхъ, въ своемъ гнѣвѣ опредѣляющихъ быстро наказаніе (16, 14. 20, 2), о благословеніи правдиваго, возвышающаго добрыхъ, правленія (11, 10. 11, 14); есть даже такія изреченія, въ которыхъ величіе и достоинство правдиваго царя изображено въ пространномъ представленіи (16, 10. 12—15. 20, 28). Эти притчи довольно ясно указываютъ на несчастія, которыхъ причиною бывають плохіе цари, и очевидно заимствованы изъ наблюденій и опытовъ. Для всѣхъ этихъ притчей могъ самъ Соломонъ заимствовать матеріалъ изъ разсмотрѣнія отношеній между Давидомъ и Сауломъ. Многолѣтнее гоненіе, которому подвергался Давидъ отъ Саула, было извѣстно Соломону, и потому съ большею вѣроятностію можно думать, что удаленіе Давида изъ отечества въ иную землю послужило поводомъ къ составленію, напримѣръ, слѣдующей притчи: „Какъ птичка, отлетѣвшая отъ гнѣзда своего, такъ человекъ удалившійся отъ мѣста своего“ (27, 8),—чѣмъ предполагать, будто историческимъ основоположеніемъ для этой притчи послужилъ начавшійся въ 8-мъ вѣкѣ плѣнъ одной половины Еврейскаго царства, какъ это натянуто хотятъ видѣть противники происхожденія всѣхъ притчей отъ Соломона. А лучше не видѣть ни того, ни другаго изъ этихъ историческихъ основоположеній, а просто думать, что эта притча заимствована изъ наблюденія надъ простой обыденной жизнью. Указываютъ на то, будто многія мѣста въ первой части притчей свидѣтельствуютъ о глубокомъ нравственномъ паденіи общества, когда множество воровъ и другихъ не обузданныхъ людей наполняютъ землю и своими безчинствами и своей мнимо счастливою разгульной жизнью легко прельщаютъ молодое поколѣніе слѣдовать имъ въ подобныхъ поступкахъ (1, 11—19. 2, 12—15. 4, 14—17 и др.), чего будто не было въ благоустроенномъ

царствѣ Соломона, и, слѣдовательно, указывается этимъ на другое, именно позднѣйшее, время, когда съ раздѣленіемъ царствъ начались смуты. Натяжка очевиднѣйшая! а) Еще нужно доказать, что въ основаніи этихъ притчей лежитъ современное происхожденію ихъ общественное состояніе Еврейскаго народа. А этого доказать нельзя. Вѣдь это притчи, изреченія не предполагающія непременно своимъ субстратомъ современнаго состоянія общества, а просто сужденія мудреца, возникшія въ немъ изъ глубокаго знанія общественной жизни вообще, которую онъ могъ узнать изъ изученія исторіи, и до котораго онъ могъ достигнуть путемъ собственнаго размышленія. Но положимъ, что здѣсь изображается современное состояніе общества, и тогда нѣтъ причинъ отнимать эти притчи у Соломона. Въ преступникахъ, бродягахъ и ворахъ никогда не было недостатка въ народѣ Еврейскомъ, какъ и во всякомъ даже образованномъ народѣ; извѣстны узаконенія на этотъ разъ еще Моисея; извѣстны и примѣры этого. Даже въ древнѣйшемъ, по мнѣнію противниковъ, т. е. второмъ собраніи притчей, довольно часто идетъ рѣчь о преступникахъ, которые оставляютъ прямой путь и ходятъ кривыми, окольными дорогами, которые радуются злу и бѣдѣ, торжествуютъ, когда зло беретъ верхъ, хотя пути ихъ, по краткости притчей, составляющихъ все это второе отдѣленіе, не съ такою подробностію изображаются, какъ, напримѣръ, въ первой части (11, 6 сл. 12, 2 сл. 12. 20. 26. 14, 22 и пр.). Даже ихъ злыя начинанія, ихъ лстивость, ихъ кровопійство, ихъ лживость не рѣдко служатъ предметомъ притчей этой мниморанней части книги (12, 5 сл. 16, 29 сл.); даже отчасти объ этомъ упоминается въ тѣхъ же словахъ, какъ и въ первой части (1, 11 сл.), не говоря уже о безчисленныхъ указаніяхъ на другіе пороки, которымъ преданы сами эти преступники и къ которымъ обольщаютъ и другихъ. Вообще, все это основаніе къ заподозрѣнію подлинности происхожденія всѣхъ притчей отъ Соломона, заимствованное изъ содержанія самыхъ притчей, до такой степени слабо, доводы такъ произвольны и натянуты, что сами же и доказываютъ справедливость отвергаемаго ими положенія.

Такимъ образомъ, для гипотезы, будто книга Притчей постепенно составилаь изъ явившихся въ разныя времена собраній Притчей, составленныхъ также въ разныя времена, нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній ни въ формѣ, ни въ содержаніи притчей, составляющихъ книгу, такъ какъ и та

и другое вполне могутъ быть согласованы съ надписаніями, находящимися въ книгѣ Притчей.

Другая группа критиковъ отрицательнаго направленія хотя не держится вполне разсмотрѣнной гипотезы, основывающейся на цѣлыхъ отдѣлахъ книги, однако не признаетъ того, чтобы Соломону одному принадлежали все эти притчи, надписанныя въ книгѣ Притчей его именемъ, по слѣдующимъ причинамъ:

а) Невозможно думать, чтобы многочисленныя изреченія, собранныя въ этой книгѣ въ многоразличныхъ формахъ, были произведеніемъ одного только лица. Самая острая голова не въ состояніи составить столь много и столь разнообразныхъ притчей. „Только Божественный Духъ, прибавляетъ Эйхгорнъ, можетъ это сдѣлать“.

Не говоря уже о томъ, что книга эта вся признается Богодухновенною и, слѣдовательно, писатель былъ подъ особеннымъ воздѣйствіемъ Божественнаго Духа, будемъ разсматривать дѣло естественнѣе и воспользуемся отвѣтомъ на это возраженіе одного изъ ученыхъ апологетовъ. „Можно подумать, говорить онъ, что у Эйхгорна рѣчь идетъ о состоящей изъ 70 томовъ in folio книгѣ Соломона, извѣстной подъ именемъ Турецкаго Сулеймана, а не о собраніи притчей, находящемся въ канонѣ Еврейскомъ. Но какъ однако велико число Соломоновыхъ притчей? не болѣе 700. Если исключить изъ этого числа притчи, встрѣчающіяся во второй разъ въ книгѣ, то останется около 650... И будто этихъ притчей, хотя бы весьма умныхъ и замысловатыхъ, не могъ составить мудрецъ Соломонъ, котораго мудрость и въ особенности искусство въ притчахъ такъ прославлялись между даже отдаленными народами древности! И эти притчи притомъ не все требовали изобрѣтенія матеріи и формы; часто содержаніемъ ихъ служатъ общія и общеизвѣстныя истины, при чемъ весьма часто оставалось на долю изрекавшаго ихъ мудраго царя только — дать имъ форму внѣшнюю, сопоставить частныя мысли такъ или иначе, привести въ такое или другое отношеніе. Притомъ же, когда говорится, что все притчи — Соломоновы, этимъ не предполагается, чтобы онъ не могъ воспользоваться въ этомъ случаѣ мудрыми замѣчаніями и изреченіями другихъ мудрыхъ людей его и прежняго времени, а непременно долженъ былъ произвести самъ все въ притчахъ и все притчи. По всему этому отвергать, что Соломонъ могъ составить 700 притчей, значитъ сказать нелѣпость. Извѣстно, что, по свидѣтельству книги Царствъ, онъ составилъ около 3000 притчей. И будто

въ самомъ дѣлѣ, это число притчей не могло быть произведеніемъ мудреца Соломона, который, по свидѣтельству книги Царствъ (3 Ц. 3, 12), испросилъ себѣ и получилъ отъ Бога преимущественную предъ другими мудрость?! Указываютъ на многообразіе формъ притчей. Но если великій мудрецъ такъ прославился своими притчами, то конечно не однообразными, и если онъ обладалъ такою мудростію, то конечно многообразіе формъ находить въ этомъ полное себѣ объясненіе.

б) Говорятъ, содержаніе многихъ притчей заимствовано изъ частной домашней жизни простолюдиновъ и частныхъ топографическихъ условій, которыя царю Соломону не могли быть довольно извѣстны, а частию не могли возбуждать въ немъ участія и интереса къ себѣ. Первая часть притчей по своему тону и своему строгому, цѣломудренному ученію, прилична болѣе какому-либо воспитателю юношества, пророку или священнику, чѣмъ такому царю, каковъ былъ Соломонъ, который, какъ извѣстно, такъ пристрастился къ женщинамъ (Деветте).—Противъ первой половины этого возраженія, можно воспользоваться опять словами одного изъ апологетовъ: какъ будто царь, говоритъ онъ, о которомъ повѣствуется, что онъ умѣлъ говорить о всемъ, начиная отъ кедровъ ливанскаго даже до иссопа, растущаго на стѣнахъ, каковое повѣствованіе, если даже считать его гиперголою, во всякомъ случаѣ показываетъ, что Соломонъ обладалъ богатыми опытными свѣдѣніями о различныхъ предметахъ природы и жизни, какъ будто такой царь не могъ говорить о предметахъ простой обыденной жизни съ знаніемъ дѣла! Какъ будто вообще встрѣчающіяся въ книгѣ притчи такого рода могли выродиться только изъ такого спеціальнаго изученія домашняго быта, какимъ обладаютъ экономисты новѣйшихъ временъ. Въ мудреца Соломона нельзя отрицать знакомства съ простой обыденной жизнью, не смотря на царскую роскошь его, а притчи не предполагаютъ подробнаго спеціальнаго изученія этого быта; въ нихъ болѣею частию предлагаются истины, до которыхъ царь могъ дойти путемъ размышленія, какъ скоро снисходилъ мыслию съ царскаго трона къ нуждамъ своихъ подданныхъ.

Подобнымъ образомъ, противно всякой психологіи утверждать, будто Соломонъ потому только не могъ написать притчей, содержащихся въ первой части, что самъ преданъ былъ въ извѣстное время извѣстному пороку; можно сказать совершенно наоборотъ и сказать совершенную правду, что именно поэтому, когда прошла пора увлеченій, онъ и могъ напи-

сать этотъ рядъ притчей, въ которыхъ особенно рельефно выставляется мудрость, ведущая къ цѣломудренной чистой добродѣтели, въ противоположность глупости, ведущей ко всѣмъ степенямъ чувственнаго разврата и самыхъ неистовыхъ пороковъ.

Что касается до тона первой части притчей, по которому бы можно было судить о писателѣ ихъ: то на это нужно сказать, что поученія, увѣщанія и предостереженія этихъ притчей не заключаютъ въ себѣ никакого прямаго и яснаго указанія на повелѣнія и запрещенія закона, какъ этого можно было бы ожидать въ томъ случаѣ, если бы писателемъ ихъ былъ какой-либо пророкъ или священникъ; но всѣ они строго держатся въ области исключительно поучительныхъ приточныхъ изреченій, такъ что они и по формѣ, и по содержанию, и по тону могутъ быть несомнѣнно приписаны мудрому царю—отцу, Соломону, много испытавшему и многому научившемуся изъ опыта, кромѣ закона.

в) Для доказательства, что притчи втораго и третьяго собраній, или послѣднихъ двухъ частей, собраны изъ различныхъ писателей или слагателей притчей, а не принадлежать одному Соломону, указываютъ частію на различіе въ строеніи притчей въ отношеніи двухъ членовъ между собою, частію на повтореніе одной и той же мысли въ разныхъ изреченіяхъ, частію на повтореніе не только однихъ членовъ, но и цѣлыхъ притчей въ разныхъ частяхъ.

Но что различіе въ строеніи притчей вовсе не свидѣтельствуешь о различіи ихъ писателей или сказателей, это мы показали выше и замѣтили при этомъ, что мысль: одинъ и тотъ же мудрецъ можетъ и даже долженъ выражать одну извѣстную мысль въ разные времена, въ разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, въ разныхъ формахъ, въ разномъ сочетаніи представленій, эта мысль не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Напротивъ, кажется вѣроятнѣе и правдоподобнѣе, что одинъ мужъ выражаетъ одну, ему свойственную, любимую и живущую въ немъ мысль, часто и не всегда въ одной и той же формѣ, а въ различныхъ, чѣмъ предполагать, что различные писатели или сказатели притчей выражаютъ эту одну мысль, различаясь нѣсколько лишь въ формѣ ея выраженія. И тщательное разсмотрѣніе этихъ повторяющихся мѣстъ, членовъ притчей или цѣлыхъ притчей въ различномъ сопоставленіи мыслей и представленій, объясняетъ ихъ изъ этого же основанія гораздо естественнѣе, чѣмъ при предпо-

ложеніи многихъ составителей ихъ. На множество составителей эти повторенія могли бы указывать лишь въ томъ случаѣ, если бы эти притчи могли свидѣтельствовать о духовной бѣдности составителей и объяснялись бы чистой подражательностію; но этого никто доказать не въ силахъ. Эти повторенія объясняются обстоятельно лишь способомъ происхожденія притчей и собиранія ихъ въ одинъ составъ, равно и планами и цѣлями послѣднихъ составителей собранія всѣхъ притчей въ одну книгу.

Когда, такимъ образомъ, основанія противъ подлинности происхожденія всѣхъ притчей, составляющихъ нашу книгу Притчей отъ 1-й по 29-ю главу, отъ Соломона, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, оказываются не состоятельными, когда изъ нихъ вовсе не вытекаетъ того результата, котораго стараются ими достигнуть; когда, напротивъ, всѣ три части книги не только по языку и содержанію могутъ быть приписаны Соломону, но даже сходны между собою во многихъ особенныхъ мысляхъ, образахъ, оборотахъ и словахъ: то отсюда необходимо вытекаетъ истинность положенія, что согласно тремъ надписаніямъ, находящимся надъ тремя отдѣльными частями книги, всѣ притчи, находящіяся въ нихъ, принадлежать дѣйствительно Соломону, какъ гласятъ эти надписанія, и — притомъ не такъ, чтобы всѣ эти притчи принадлежали этому мудрецу — царю лишь потому, что онъ собралъ народныя притчи или притчи прежнихъ мудрецовъ и сдѣлалъ ихъ изъ мѣстно-извѣстныхъ обще-извѣстными и присовокупилъ къ нимъ свои собственныя притчи, которыя всѣ и собраны были послѣ него, подъ его именемъ, и въ этомъ видѣ обнародованы; но такъ, что Соломонъ — составитель всѣхъ безъ исключенія притчей, заключающихся въ нашей книгѣ, съ тѣмъ только, изъ самой природы этихъ притчей вытекающимъ ограниченіемъ, что Соломонъ зналъ подобныя частныя сентенціи и другихъ мудрецовъ, выразилъ ихъ въ своей собственной, особенной оригинальной формѣ, а такимъ образомъ и они вошли въ составъ его притчей, какъ его собственныя.

Притчи, содержащіяся въ 30 и 31-й главахъ надписываются не именемъ Соломона, какъ первыя три части книги: притчи, составляющія 30-ю главу книги носятъ надписаніе. *Притчи Агура, сына Такеева. Витѣватая рѣчь. Божественныя изреченія мужа Иейлу и Укалу.* — Эти притчи называются *масагъ* и *нейюмъ*, чѣмъ означаются они какъ пророческія изреченія: ибо *масагъ* и *нейюмъ* означаютъ именно Боже-

ственные откровения, пророческія.—Кто былъ этотъ Агуръ— совершенно неизвѣстно. Блаженный Иеронимъ думаетъ, что этимъ именемъ называется здѣсь самъ Соломонъ, подобно, какъ онъ же, въ надписаніи слѣдующей книги, называется Когелетомъ. Но Агуръ называется сыномъ Такея, а Соломонъ и при другомъ, несобственномъ названіи, Когелетъ, называется все-таки сыномъ Давида и царемъ Иерусалимскимъ. Названія, которыя Агуръ даетъ своимъ притчамъ— *масазъ* и *нейюмъ*, указываютъ въ немъ неизвѣстнаго мудреца изъ временъ умноженія и усиленія пророковъ, который, по догадкамъ изыскателей, жилъ, вѣроятно, около временъ Езекии. Лица, къ которымъ Агуръ обращаетъ свои приточныя рѣчи— Иѳилъ и Укаль также неизвѣстны изъ исторіи. Большая часть толкователей остаются при простомъ предположеніи, что то были, вѣроятно, ученики мудреца Агура. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ толкователей почитаютъ эти имена вымышленными,—для означенія тѣхъ классовъ людей, которымъ въ особенности Агуръ намѣревается предложить свои поучительныя притчи. Именемъ Иѳилъ, которое значитъ: *со мною Богъ*— означаются такіе люди, которые хвалились близостию своихъ отношеній къ Богу и приобрѣтеннымъ чрезъ то высшимъ вѣдѣніемъ или мудростию, а именемъ Укаль или Ахаиль—что значитъ: *я крѣпокъ* или *я силенъ*,—такіе люди, которые хвалились своимъ высокимъ, сильнымъ умомъ, полагались только на свою мудрость и силу и оставляли Бога; такъ что оба эти названія, по всей вѣроятности, означаютъ свободно мыслящихъ людей, которые считали себя выше требованій откровеннаго закона и въ практической жизни, оставляя Бога, слѣдовали удовольствіямъ плоти.—Это можно заключать и изъ содержанія притчей, предложенныхъ Агуромъ для Иѳила и Укала; впрочемъ, само собою разумѣется, что это—предположеніе.

31-я глава надписывается: *Изреченія Лемуила—царя.—Витѣватая рѣчь, которую передала ему въ наставленіе мать его.* Такъ какъ эти поучительныя изреченія, которыя мать предлагаетъ своему царственному сыну, представляются какъ слова царя Лемуила: то нужно думать, что Лемуиль изрекаетъ ихъ по воспоминанію. Кто этотъ царь Лемуиль или Лемоель— неизвѣстно. Одни изъ толкователей признаютъ его дѣйствительнымъ лицомъ; но кто такой онъ—указать нельзя; думали, что это Арабскій или Едомскій эмиръ; но этому противорѣчитъ чисто Еврейское содержаніе притчей,

что указываетъ въ немъ еврея.— Кажется, что это имя вымышленное, о чемъ можно догадываться и изъ того, что къ имени присоединяется неопредѣленный предикатъ *мелехъ* (безъ члена), или—по крайней мѣрѣ, не означаетъ Соломона, подобно, какъ и лицо предшествующаго надписанія. Догадываются, что этимъ именемъ называется тотъ же Агуръ; но для этой догадки единственное основаніе то, что и изреченія Лемуила называются такъ-же, какъ изреченія Агура—*massah*—основаніе, очевидно, недостаточное. Если писатель этихъ поучительныхъ царю приточныхъ изреченій и неизвѣстенъ; то нѣтъ препятствій думать, что вторая половина этой послѣдней главы, съ 10 ст., не имѣющая въ Еврейской Библии надписанія, написана имъ же.

Можно принять за достовѣрное вообще только то, что обѣ эти главы не написаны ни Соломономъ, ни кѣмъ-либо изъ его современниковъ, а принадлежатъ позднѣйшему времени, въ которое усилилась дѣятельность пророческая въ особенности: потому что Агуръ и слагатель обоихъ отдѣленій послѣдней главы называютъ свои изреченія пророческимъ *massah*, чтобы придать имъ болѣе силы, вѣса и значенія въ глазахъ народа. Изъ языка обѣихъ главъ нельзя ничего заключить о времени происхожденія ихъ; только изъ алфавитнаго порядка стиховъ послѣдняго отдѣленія, по сравненію съ алфавитными цсалмами Давидовыми, можно, можетъ быть, заключить, что писатель ихъ принадлежитъ позднѣйшему времени, хотя и этотъ аргументъ малосиленъ.

IV. О происхожденіи и образованіи настоящаго собранія притчей Соломоновыхъ въ нынѣшнемъ видѣ книги положительныхъ прямыхъ и опредѣленныхъ историческихъ сказаній нѣтъ. Есть только два свидѣтельства въ Талмудѣ, изъ коихъ по одному книга приведена въ настоящій составъ мужами Езекии царя, по другому— пророкомъ Исаіею. Первое изъ этихъ свидѣтельствъ можно бы еще признать за исторически достовѣрное, если бы сама собой не представлялась при этомъ мысль, что это едва ли не догадка, выведенная изъ надписанія 3-й части книги, въ которомъ однако-же говорится, что мужи Езекии собрали только именно эту третью часть, а не всю книгу.— Второе свидѣтельство, неизвѣстно на чемъ основанное, само нуждается въ доказательствахъ, которыхъ однако-же отыскать нельзя, по крайней мѣрѣ еще не нашли.— Другихъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ, а потому въ рѣшеніи этого вопроса должно ограни-

читаться лишь сопоставленіемъ и сравненіемъ добытыхъ уже результатовъ о Писателяхъ и написаніи притчей, составляющихъ книгу, въ настоящемъ ея видѣ, съ указаніями, заключающимися въ самыхъ надписаніяхъ различныхъ частей книги.—Хотя три части книги Притчей, въ ея настоящемъ составѣ, не носятъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ преемственнаго или послѣдовательнаго происхожденія содержащихся въ нихъ притчей, то есть, чтобы онѣ въ книгѣ расположены были именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ являлись изъ устъ великаго мудреца; хотя, съ другой стороны, въ нихъ нѣтъ ничего такого, чтò можно было бы съ полнымъ законнымъ правомъ сказать противъ подлинности происхожденія ихъ отъ Соломона: однако же надписаніе третьей части книги ясно показываетъ, что собраніе и соединеніе всѣхъ притчей въ одну книгу, въ ея настоящемъ составѣ, произошло отъ Соломона самого; но притчи третьей части собраны въ первый разъ мужами Езекии царя,— т. е., или придворными учеными этого царя, или другими, которымъ онъ нарочито поручилъ заняться этимъ дѣломъ. Изъ этого надписанія выходитъ не только то заключеніе, что при Езекии было уже собраніе Соломоновыхъ притчей, но и то, что первыя двѣ части притчей были собраны уже до этого времени и извѣстны были еще до Езекии. Ибо, если бы эти мужи Езекии царя не имѣли ихъ предъ глазами, какъ особенныхъ собраній, раздѣленныхъ на двѣ части или соединенныхъ въ одно цѣлое—это все равно; то притчей, которыя они собрали какъ Соломоновы, они не присоединили бы къ нимъ, какъ особую часть собранія, съ особымъ надписаніемъ: *и это притчи Соломона* и пр., а безъ всякаго сомнѣнія всѣ притчи, собранныя ими какъ Соломоновы или только принятія за Соломоновы, соединили бы въ одно нераздѣльное цѣлое, не прилагая особаго надписанія, что вотъ такія-то притчи собраны мужами Езекии царя,—чѣмъ предполагается прямо, что прочихъ-то притчей собраніе принадлежитъ не имъ. Надписаніе: *и это притчи Соломоновы* до очевидности показываетъ, что надписанное ими собраніе сдѣлано послѣ предшествующаго и къ нему присоединено, какъ прибавленіе трудами мужей Езекии. Вопросъ остается при этомъ только тотъ, сами ли эти мужи присоединили свое собраніе притчей Соломоновыхъ къ *прежнему* собранію, въ какомомъ случаѣ имъ должно принадлежать и надписаніе: *и это притчи Соломона* и пр., или они только собрали притчи Соломоновы, содержащіяся въ этой

части, а присоединеніе ея къ прежнему собранію сдѣлано рукою послѣдняго редактора книги, который прибавилъ къ тому и содержащіяся въ двухъ послѣднихъ главахъ притчи Агура и Лемуила и не только надъ всѣмъ этимъ собраніемъ сдѣлалъ общее надписаніе (1, 1—7), но и частныя, какъ-то: въ началѣ 10-й главы, въ началѣ 25-й, 30-й и 31-й? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, хотя не съ полной историческою достовѣрностію, а по крайней мѣрѣ съ нужною для науки степенью исторической вѣроятности, нужно составить представленіе о происхожденіи и составѣ *всего* собранія притчей въ одну книгу, что можно сдѣлать обзорѣніемъ происхожденія собраній каждой изъ трехъ частей книги и соединенія ихъ въ одну.

1) Такъ какъ первая часть книги Притчей есть связанное, членораздѣльное, органическое цѣлое, и ея содержаніе, по мыслямъ и языку, вполне совпадаетъ не только съ отношеніями Соломоноваго времени, но и съ особеннымъ характеромъ Соломона—царя: то нѣтъ никакихъ препятствій думать, что въ подлежащемъ видѣ она вся составлена самимъ Соломономъ.—Притчи второй части, съ 10-й до 25-й главы, разсматриваемыя сами по себѣ, также не содержатъ въ себѣ ничего такого, что свидѣтельствовало бы противъ происхожденія всѣхъ ихъ отъ Соломона; впрочемъ, изъ этого съ непрерѣкаемою достовѣрностію нельзя заключать, что и собраніе ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ находятся въ книгѣ, происходитъ отъ самого Соломона, хотя рѣшительныхъ доказательствъ противнаго также нельзя представить. Обыкновенно въ доказательство того, что это собраніе сдѣлано не самимъ Соломономъ, указываютъ частію на нѣкоторую перепутанность и несвязность притчей, непослѣдовательность, въ какой онѣ поставлены однѣ подлѣ другихъ, частію на повторенія однѣхъ и тѣхъ же притчей съ большими или меньшими измѣненіями. „Нельзя объяснить, говоритъ Эвальдъ, какъ поэтъ—мудрецъ, который съ замѣчательнымъ искусствомъ приступаетъ къ дѣлу и хочетъ видимо цѣлый кругъ жизни просвѣтить искрою своей приточной мудрости, какъ онъ могъ безъ внутренней связи и послѣдовательности, такъ запутано, расположить эти притчи въ книгѣ, именно въ этой второй части, если предположить, что онъ самъ составлялъ собраніе этой части притчей“.—Но нужно спросить: что же дастъ намъ право предполагать, что первоначально одна связующая нить мысли и намѣренія проходила черезъ все собраніе прит-

чей, соединяя разнообразное и разнохарактерное, что первоначально эти притчи были высказаны въ связи и системѣ, а потомъ будто позднѣйшій собиратель и издатель ихъ примѣсью другихъ, собранныхъ имъ притчей, разрушилъ эту связь и оттого вышла такая непослѣдовательность въ расположеніи этой части притчей? Къ этому предположенію отнюдь не уполномочиваетъ то, что двѣ, а не рѣдко и три, даже болѣе притчей, развивающихъ одну и ту же мысль, прерываются притчами, не имѣющими съ ними ничего общаго ни въ мысли, ни въ формѣ, такъ что они нарушаютъ связь, и—если отбросить подобныя притчи, вышло бы нѣчто стройное и послѣдовательное. Это, говоримъ, вовсе не уполномочиваетъ видѣть позднѣйшаго собирателя притчей этой части, а) потому, что такая послѣдовательность была бы лишь мнимая и при томъ въ маломъ числѣ оставшихся притчей, тогда какъ выброшенныя всетаки оставались бы внѣ связи и безъ послѣдовательности, и б)—чѣмъ доказать то, что Соломонъ составлялъ свои притчи о жизни и ея многообразныхъ обстоятельствахъ именно по внутренней послѣдовательности предметовъ между собою?—Вѣдь это трудно, даже невозможно предположить. Даже въ томъ случаѣ, если онъ весь цѣлый кругъ жизни хотѣлъ просвѣтить искрами своей приточной мудрости, онъ всегда могъ составлять свои притчи такъ, что они являлись какъ частныя отдѣльныя искры изъ этого круга жизни, слѣдовательно, лишь какъ—*ничто* изъ области практической мудрости и добродѣтели, и это нѣчто, какъ не все, и какъ частное, отдѣльное, весьма легко могло и не имѣть иногда между собою связи и послѣдовательности, т. е., притчи его могли слѣдовать одна за другою и не въ органической, систематической связи и разчлененіи, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, имѣлъ ли онъ въ виду разсматривать и выражать въ притчахъ этотъ кругъ жизни въ логической связи, съ логическимъ возрѣніемъ.—Единственное историческое данное, какое мы имѣемъ о содержаніи и объемѣ высказанныхъ Соломономъ притчей, это—мѣсто 3 Цар. 4, 29—34. Но оно, очевидно, указываетъ только на то, что Соломонъ въ своихъ притчахъ не ограничивался лишь областію религіозно-нравственныхъ истинъ, но простирался и въ область естествовѣдѣнія, слѣдовательно, стремился обнять всѣ области чело-вѣческаго вѣдѣнія или мудрости, такъ что 3000 притчей, которыя онъ высказалъ круглымъ числомъ, отнюдь не всѣ вращались въ кругу теоретическихъ или практически-нравствен-

ныхъ, и—въ 700 притчей, которая мы имѣемъ въ нашемъ собраніи, можно видѣть лишь извлеченіе изъ притчей, объемъ которыхъ простирался на всю обширную область человѣческой мудрости.—Въ указанномъ мѣстѣ, хотя прямо нѣтъ рѣчи ни о записи всѣхъ этихъ притчей, ни о какомъ-либо большомъ собраніи ихъ, но уже сопоставленіе 3000 притчей съ 1050 пѣсней приводитъ къ предположенію, что Соломонъ самъ составилъ книгу или письменное собраніе своихъ 3000 притчей. Если болѣе, чѣмъ вѣроятно, что эти 1050 пѣсней не экспромптъ, не безъ приготовленія были воспѣты имъ, а составлены и записаны, подобно Давидовымъ и пѣснямъ другихъ пѣвцовъ: то также достовѣрно можетъ быть и то, что и притчи имъ же записаны. Но какъ расположены были эти притчи въ его записи или собраніи, объ этомъ можно дѣлать лишь догадки, за неимѣніемъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ собраніи. Вѣроятно, что это-была не по напередъ начертанному плану составленная въ одно извѣстное время, въ болѣе или менѣе строгой систематической формѣ написанная, книга Притчей, но по преемству времени составленная расположенное собраніе важнѣйшихъ изреченій, которая сначала не имѣли связи или имѣли развѣ малую послѣдовательность, потому что въ ней записывались достойныя сохраненія, важнѣйшія притчи въ томъ порядкѣ, въ какомъ происходили, въ слѣдствіе многообразныхъ поводовъ и разнообразныхъ побужденій къ составленію притчей.

Но какъ, по извѣстнымъ побужденіямъ, не всѣ пѣсни мудреца Соломона могли взойти въ канонъ священныхъ книгъ: такъ точно и притчи его не всѣ могли занять въ немъ мѣсто. И вотъ изъ этого полнаго собранія притчей Соломоновыхъ самъ же Соломонъ позже могъ выбрать по содержанию своему важнѣйшія, относящіяся къ истинной мудрости жизни и благочестію, притчи, и составить изъ нихъ собраніе изреченій для споспѣшествованія религіозно-нравственному образованію своего народа,—собраніе, отъ котораго по тому самому, что оно есть выборъ, нельзя требовать строгой связи и внутренней, даже внѣшней, послѣдовательности.—Мы говоримъ это не потому, чтобы хотѣли во что бы то ни стало отстоять мысль, что самъ Соломонъ—составитель этого втораго собранія притчей, содержащихся во второй части книги, а для того, чтобы показать, что изъ такихъ данныхъ, каковы—отсутствіе послѣдовательности и нѣкоторыя повторенія, не слѣдуетъ выводить такихъ смѣлыхъ заключеній; при помощи

другихъ предположеній можно тѣже самыя данныя обратить въ противную сторону и при томъ съ болѣею вѣроятностію. Притомъ же, продолжимъ свою рѣчь, — собственно запутанности въ расположеніи притчей, на которую указываютъ, здѣсь нѣтъ и не можетъ быть о ней и рѣчи; только нельзя примѣтить здѣсь внутренней связи между частными, отдѣльными изреченіями, а равно и опредѣленнаго начала, по которому расположены притчи такъ именно, а не иначе. Что же касается до повторенія изреченій: то а) ихъ немного въ этой части, и притомъ б) подобныя повторенія находятся и въ первой части, которую считаютъ связнымъ и послѣдовательнымъ цѣлымъ (2, 16 въ 7, 5; 3, 15 въ 8, 11; 9, 4 въ 9, 16 и пр.). Но что же изъ этого? Ихъ нужно было повторить или потому, что въ сопоставленіи они получаютъ особый отбѣнокъ мысли, или потому, что имѣютъ отношеніе къ предыдущему или послѣдующему.

Указываютъ на то еще, что эта вторая часть притчей едва ли могла быть собрана ранѣе послѣднихъ лѣтъ жизни Соломона; а такъ какъ благочестивый сначала и мудрый царь этотъ подъ старость свою болѣе и болѣе уклонялся отъ пути Іеговы, пока, наконецъ, пристрастіемъ къ своимъ иноземнымъ женамъ не былъ доведенъ до открытаго идолослуженія: то едва ли онъ самъ могъ составить собраніе своихъ притчей, которое бы могло взойти въ канонъ священныя книги, а потому вѣроятнѣе, что это сдѣлалъ не онъ самъ, а кто-либо другой. Но нужно замѣтить, что преданіе говоритъ объ его обращеніи къ Богу Іеговѣ въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ написалъ книгу, вошедшую въ канонъ священныя книги, — Еклезіастъ. Тогда же онъ могъ составить и это собраніе притчей, составляющихъ вторую часть канонической книги Притчей. — Если первое возможно, то послѣднее еще возможнѣе.

Наконецъ, замѣчаютъ, что если бы самъ Соломонъ сдѣлалъ это второе собраніе, то не для чего было ему ставить надъ нимъ особое надписаніе; достаточно было одного перваго — въ началѣ книги. Но притчи втораго собранія весьма отличаются по формѣ отъ притчей перваго собранія, и вотъ, чтобы кто не подумалъ, что эти послѣднія не принадлежатъ писателю первыхъ, надъ ними поставлено особое надписаніе — и это притчи Соломона, сына Давидова. — По всему этому выходитъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать, что самому Соломону принадлежитъ составъ притчей и второй

части, что самъ онъ ихъ собралъ или извлекъ и расположилъ такъ, какъ они есть, сдѣлавъ и особое надписаніе.

Опять повторимъ, что мы не хотимъ отстаивать этой мысли во что бы то ни стало,—можетъ быть, и другой былъ собиратель этого втораго собранія; мы только хотимъ сказать, что нельзя отнимать этого труда и у самого Соломона, что эта послѣдняя мысль имѣетъ вѣроятность, даже можетъ быть большую, чѣмъ предположеніе о другомъ собирателѣ этихъ притчей. Невольно приходитъ еще въ пользу этой мысли одно соображеніе: еще можно думать, что вторая часть книги въ некоторое время могла быть въ употребленіи, какъ отдѣльное собраніе притчей; но не возможно думать, чтобы первая часть безъ второй могла быть въ употребленіи, какъ отдѣльное собраніе притчей, съ ея нынѣшнимъ надписаніемъ. Такъ ясно и опредѣленно выраженное въ ней намѣреніе — возбудить стремленіе къ мудрости и споспѣшествовать развитію этого стремленія побуждаетъ признать всю эту часть прологомъ, написаннымъ съ тою цѣлію, чтобы онъ служилъ введеніемъ къ большому собранію притчей.

И если признать, что первая часть въ настоящемъ видѣ составлена самимъ Соломономъ, то нужно признать, что и вторая—также, а равно и надписаніе (I, 1—7). Это надписаніе стоитъ въ такой тѣсной связи съ обѣими частями, что не зависимо отъ нихъ обѣихъ оно не могло быть составлено. Оно содержитъ въ себѣ изложеніе того, къ чему предлагаются эти притчи и для чего должны служить они, именно— а) чтобы узнать премудрость и б) изучить изреченія разума (ст. 2). Эта двоякая цѣль въ 3, 4, 5 и 6 стихахъ опредѣляется подробнѣе: чтобы перенять правила здраваго смысла, а чрезъ то вѣрности, правосудія и прямодушія, чтобы неопытнымъ дать прозорливость, юношѣ—познаніе и разсудительность (ст. 3 и 4), чтобы мудрый, уже обладающій мудростію, слушалъ и умножалъ свѣдѣнія и разумный получилъ совѣты, чтобы понять изреченія умныя, бесѣды мудрыхъ и ихъ загадки. (5—6). Этой цѣли соотвѣтствуютъ именно обѣ первыя части притчей, содержащихся въ нашей книгѣ. Первая часть содержитъ изреченія Соломона такіа, которыя имѣютъ цѣлію простыхъ и неопытныхъ юношей возвести къ познанію мудрости и разума; вторая заключаетъ въ себѣ такіа изреченія, которыя уже обладающихъ мудростію и разумныхъ должны поучать высшей практической мудрости или вѣдѣнію многоразличныхъ отношеній жизни, руководствовать

къ умноженію познаній и къ достиженію мудрости потребной для счастливой и умной жизни. Потому-то въ первой части притчей онѣ изрекаются въ формѣ наставленій отца сыну, при чемъ очень часто повторяется „сынъ мой, послушай,—сынъ мой, прими наставленіе“ и пр.; тогда какъ во второй части нѣтъ подобныхъ обращеній отца къ сыну, а просто предлагаются притчи для всѣхъ. Судя по этому, говоримъ, что если первая часть притчей составлена въ настоящемъ видѣ Соломономъ и съ надписаніемъ: то и вторая часть—*вѣроятно*—составлена имъ же; такъ какъ надписаніе объемлетъ не одну только первую часть, но и вторую.

Впрочемъ, могло быть, конечно, и иначе, могло случиться и такъ, что собиратель этой второй части—кто либо другой, изъ пророковъ,—присоединивъ ее къ первой части, сдѣлалъ общее надписаніе въ началѣ, относящееся къ обѣимъ частямъ и, такимъ образомъ, могло выйти, что первая часть безъ общаго надписанія составлена самимъ Соломономъ, а вторая, избранная или собранная кѣмъ-либо другимъ съ присовокупленіемъ общаго надписанія, прибавлена къ этой первой, и составилось одно собраніе притчей Соломоновыхъ, раздѣленное надписаніемъ въ 10-й главѣ на двѣ части, но объединенное одной цѣлью, выраженной въ общемъ надписаніи. Это предположеніе, также вѣроятное, ни сколько не можетъ вредить каноническому достоинству книги, точно такъ же, какъ не вредитъ ему третья часть книги, составленная, въ настоящемъ ея видѣ, не самимъ Соломономъ. Только кажется, за отсутствіемъ данныхъ для противнаго мнѣнія и за недостаточностію представленныхъ, вѣроятнѣе приписать составъ этихъ обѣихъ частей самому Соломону.

2. Третья часть книги составляетъ какъ бы прибавленіе къ Соломоновскому собранію притчей,—прибавленіе, въ которомъ мужи Езекии царя заключили, можетъ быть, выбранныя изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и первая, и вторая часть, а можетъ быть и изъ другихъ частныхъ собраній Соломоновскихъ изреченій, притчи, чтобы сдѣлать доступными всему народу всѣ притчи мудраго царя, какія можно было по духу и характеру принять въ канонъ священныхъ книгъ. При этомъ легко можетъ представиться мысль, что составители этой части притчей заимствовали ихъ не только изъ записей, а также и изъ устъ народныхъ, на сколько, то есть, онѣ сохранялись въ преданіи неписанномъ. Впрочемъ, этому послѣднему предположенію совершенно не благоприятствуетъ характеръ притчей

этой части. Эти притчи, по содержанию и формѣ, не походятъ на притчи, вращающіяся обычно въ говорѣ народномъ и передающіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ихъ содержаніе выше сферы обыкновенной народной жизни, касается высшихъ истинъ религіи и благочестія; ихъ форма, для того, чтобы быть народными притчами, слишкомъ искусственна вообще, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ притчей очень длинны для того, чтобы удобно было народу въ обыденной жизни и для этой жизни употреблять ихъ.

Этому мнѣнію о собраніи этихъ притчей изъ неписанныхъ источниковъ или народнаго преданія противорѣчитъ и надписаніе—*Притчи, которыя списали*. Еврейское слово *гейтикс* собственно значитъ *перемѣститъ* съ одного мѣста на другое, и, слѣдовательно, означаетъ здѣсь такія притчи, которыя не собраны изъ устъ народа, а выписаны изъ другаго мѣста, то есть, изъ другой книги, и значитъ притчи, переписанныя изъ одной книги въ другую. Точно это значеніе придавали этому слову и LXX, переведши его словомъ *εξεγράφω* — *выписали*. Гезеній, прославленный знатокъ Еврейскаго языка, переводитъ это слово *transcripserunt ex uno libro in alium, aut congesserunt*. Поэтому и въ Талмудѣ — *гейтикс* значитъ *translator, descriptor, qui ex uno exemplari aliud exemplar describit, aut unam linguam alicujus libri in aliam linguam transfert et conscribit*. Поэтому-то можно думать, что мужи Езекии царя, при собраніи притчей Соломоновыхъ, пользовались лишь письменными памятниками. Даже, кажется, нельзя сказать, что они пользовались многими письменными памятниками; для этого предположенія нѣтъ основанія. Можетъ быть, онѣ выбраны изъ того же общаго источника, изъ котораго извлечены притчи предшествующихъ частей, то есть, изъ общей записи всѣхъ притчей Соломоновыхъ. Такъ какъ для предшествующей части выбраны большею частію краткія, заключающіяся въ одномъ стихѣ и содержащія положеніе и противоположеніе изреченія: то для позднѣйшихъ собирателей, которые, какъ видно, обращали болѣе вниманія на религіозно-правственный характеръ притчей, чѣмъ на простоту и краткость ихъ формы, оставалось еще много притчей для выбора, такъ что не было нужды обращаться къ другимъ не прямымъ источникамъ, о которыхъ, впрочемъ, не сохранилось въ исторіи никакого свидѣтельства и которыхъ въ исторіи нѣтъ и слѣда.

Нѣтъ сомнѣнія, что мужамъ Езекии царя были извѣстны, какъ мы замѣтили выше, первыя собранія притчей, содержащіяся въ первыхъ двухъ частяхъ; а если такъ, то можемъ

признать за несомнѣнное, что они еще сами это собраніе свое присоединили къ тѣмъ прежнимъ и сами сдѣлали надписаніе, что эти притчи вписали мужи Езекии, царя Іудейскаго. Для противоположнаго мнѣнія, что это послѣднее собраніе было нѣсколько времени отдѣльно, подлѣ прежнихъ собраній, не присоединялось къ нимъ, и только послѣдній издатель книги присоединилъ ихъ къ прежнему собранію, сдѣлавъ и это надписаніе,—нѣтъ вѣроятныхъ и правдоподобныхъ основаній.— Можно бы представить въ его пользу то, что этимъ собраніемъ притчей, которое сдѣлали мужи Езекии, не заключается книга, а имѣетъ еще два прибавленія, и что писатель этихъ -то прибавленій и привелъ всю книгу въ настоящій составъ, присоединивъ къ прежнему собранію притчей Соломоновыхъ притчи, собранныя мужами Езекии, а равно и притчи Агура и Лемуила. Но если бы было достовѣрно извѣстно, что эти послѣднія притчи Агура и Лемуила принадлежатъ времени позднѣйшему Езекии: то можно бы было принять это предположеніе; но такъ какъ это не извѣстно и можно полагать, что около временъ Езекии составлены притчи, содержащіяся и въ этихъ прибавленіяхъ: то можно думать, что и онѣ присоединены къ книгѣ рукою тѣхъ же мужей Езекии, и что, слѣдовательно, они привели всю книгу притчей въ настоящій составъ. „Трудно думать, говоритъ Берто, чтобы книга Притчей, по 29-ю главу включительно, существовала, какъ цѣлая книга раньше, чѣмъ притчи, содержащіяся въ 30 и 31 главахъ“. А поэтому нѣтъ препятствій думать, что и эти послѣднія присоединены къ первымъ тѣми же мужами Езекии, которые, значить, и были послѣдними составителями книги Притчей, въ ея настоящемъ видѣ.

V. О судьбѣ текста книги Притчей въ разныя времена Евальдъ отзывается весьма неблагопріятно, утверждая, что текстъ ея во многомъ весьма испорченъ. „Едва ли, говоритъ онъ, есть другая какая-либо книга въ Ветхомъ Завѣтѣ, которая бы такъ далеко отдалялась отъ первоначальной чистоты текста. Въ ней, какъ можно замѣтить, недостаетъ цѣлыхъ стиховъ по мѣстамъ, по мѣстамъ члены стиховъ перемѣщены, слова перемѣшаны, смыслъ не рѣдко измѣненъ. Хотя это говоритъ Евальдъ объ одной лишь второй части, которую онъ считаетъ древнѣйшею, а въ прочихъ, по его мнѣнію, позднѣйшихъ собраніяхъ, онъ замѣчаетъ болѣе чистоты въ текстѣ; впрочемъ, какъ замѣчаютъ, и объ этой второй части такое мнѣніе его не вполне справедливо. Оно основывается, глав-

нымъ образомъ, на томъ, что нѣкоторые изреченія и члены изреченій съ большими или меньшими переменами встрѣчаются въ прочихъ частяхъ, и отсюда заключаетъ онъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ эти изреченія написаны не вѣрно. Но эти повторенія; какъ мы уже замѣчали, достаточно объясняются тѣмъ, что Соломонъ самъ въ разныя времена, въ разныхъ обстоятельствахъ, по разнымъ частнымъ побужденіямъ могъ повторять одни и тѣ-же притчи съ большими или меньшими измѣненіями, а это не есть свидѣтельство о поврежденіи текста. Переводъ LXX этой книги сдѣлавъ вѣрно большею частію, хотя по мѣстамъ темно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣненъ смыслъ. При сравненіи съ подлинникомъ оказываются даже прибавленія, напримѣръ 6, 8, 8, 21, 9, 12, 18 и др.; притчи Агура и Лемуила, второй половины, поставлены послѣ 22 ст. 24 гл.; первые три стиха 31 гл. переведены не согласно съ подлинникомъ; надписаніе въ началѣ 10-й главы опущено. Впрочемъ, такихъ разностей у LXX съ подлинникомъ вообще говоря весьма немного.

IV. О книгѣ Екклесіастъ.

I. Надписаніе книги Екклесіастъ таково: „диврей когелеть, бенъ-давидъ, мелехъ бйруша-лаймъ“, то есть „слова (или рѣчи) когелета, сына Давидова, царя Іерусалимскаго“... Это надписаніе, именно слово *Когелеть*, испытывало различныя, часто очень замысловатыя, толкованія. Что значитъ это слово Когелеть, кто имъ означается и почему именно это лицо такъ называется? Словомъ этимъ называется въ несобственномъ, очевидно, смыслѣ сынъ Давидовъ, царь Іерусалимскій. Сыномъ Давидовымъ, царемъ Іерусалимскимъ, въ несобственномъ смыслѣ, могутъ быть названы каждый изъ потомковъ Давида, царствовавшій въ Іерусалимѣ: такъ какъ извѣстно, что сынами назывались и потомки извѣстнаго лица; напримѣръ, Іосифъ обручникъ называется сыномъ Давида, Іисусъ Христосъ называется сыномъ Давида, Авраама и проч. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ побужденій принимать здѣсь это слово *сынъ* въ несобственномъ смыслѣ, такъ какъ и собственный сынъ Давида былъ царемъ Іерусалимскимъ, это—Соломонъ. И нѣкоторыя данныя самой книги указываютъ въ этомъ сынѣ Давидовомъ Соломона. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что онъ имѣетъ въ себѣ много мудрости, болѣе всѣхъ, которые были прежде него въ Іерусалимѣ, что сердце его много чувствуетъ въ себѣ